

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. М. ДУНАЕВСКАЯ

О ХАРАКТЕРЕ И СВЯЗЯХ ЯЗЫКОВ ДРЕВНЕЙ МАЛОЙ АЗИИ

Вопрос о характере малоазиатских языков и об их связях с языками народов Закавказья неоднократно поднимали в своих работах И. Джавахишвили, С. Джанашиа и А. С. Чикобава (применительно к картвельским языкам), а также Г. Капанцян (применительно к армянскому). Однако материал этих языков, к сожалению, мало доступен и к тому же разбросан по многочисленным специальным изданиям, где не всегда легко отличить точные данные, соответствующие современному уровню науки, от устаревших или недостаточно обоснованных соображений. Это обстоятельство нередко приводит к некритическому использованию разрозненных сведений, полученных из вторых рук и не являющихся вполне достоверными¹. Естественно, что проводимая на основе таких данных классификация языков древней Малой Азии может иметь серьезные погрешности.

В связи с этим мне кажется целесообразным привести в настоящей статье основные данные о языках древней Малой Азии, с тем чтобы было ясно, когда мы опираемся на достоверный языковой материал, а когда вынуждены основывать свои гипотезы на предварительных данных или даже на догадках.

*

Как известно, письменными памятниками II тысячелетия до н. э. засвидетельствованы четыре малоазиатских языка — хаттский (иначе «протохеттский»²), неситский (иначе несийский, хеттский, хеттский клинописный³), лувийский, хурритский. Памятниками I тысячелетия до н. э. засвидетельствованы хеттский иероглифический, ликийский и близкий ему милийский⁴, карийский, лидийский, фригийский и мисийский⁵.

¹ Ср. ссылки А. С. Чикобава («Введение в языковедение», ч. I, 2-е изд., М., 1953, стр. 212, 225, 226) на работу Ч. Локотки «Развитие письма» (перевод с чешского, М., 1950).

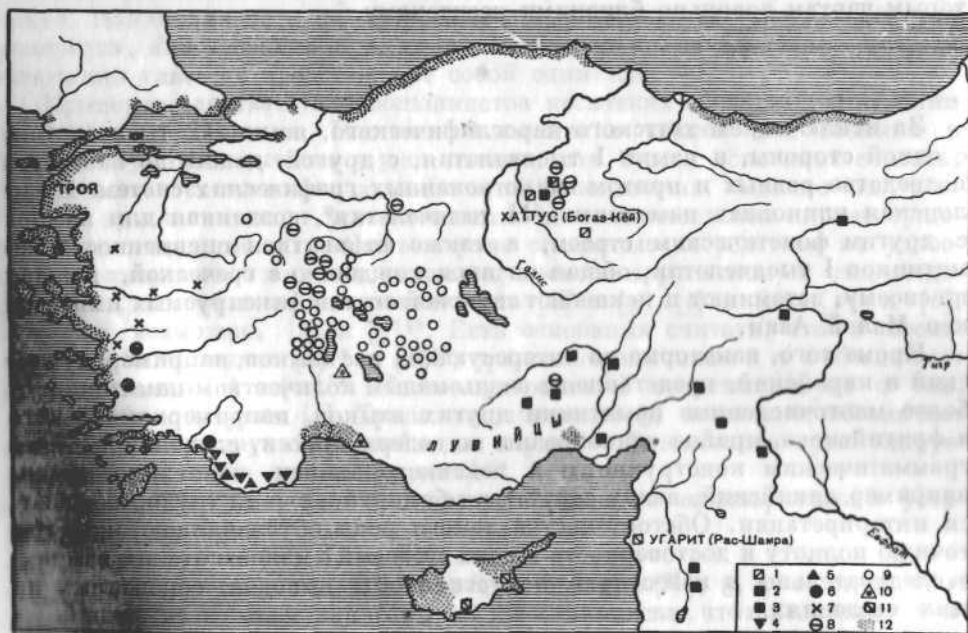
² Иногда неправильно именуется хеттским или протохеттским.

³ В памятниках II тысячелетия упоминается, кроме того, палайский язык. Существует точка зрения, что так во II тысячелетии назывался язык хеттских иероглифов, условно именуемый теперь «хеттским иероглифическим». По мнению Г. Оттена, в дошедших до нас памятниках хеттского государственного архива среди документов, содержащих не неситские глоссы, цитаты и т. д., имеются и небольшие выдержки из палайских текстов, близкие по языку к неситскому и лувийскому. Однако выводы автора нельзя считать окончательными (ср. Н. Otten, Zum Palaischen, «Zeitschrift für Assyriologie», N. F., XIV, 1944, стр. 119 и сл.).

⁴ Обычно считается диалектом ликийского и называется «ликийский Б».

⁵ За исключением хеттского иероглифического нет ни одного языка Малой Азии, который был бы засвидетельствован и во II, и в I тысячелетиях до н. э. Ввиду того,

Пока еще трудно в какой-то мере точно определить территорию распространения отдельных языков в Малой Азии во II и I тысячелетиях до н. э. Единственное, что может нас здесь ориентировать, — это места находок письменных памятников (см. карту). Из всех языков древней Малой Азии наиболее богат памятниками неситский; к тому же неситские памятники очень разнообразны по содержанию. Неситский язык хорошо

Важнейшие места находок надписей

II тысячелетие до н. э.: 1 — хеттские-неситские (а также хаттские, лувийские и др.), 2 — хеттские иероглифические; I тысячелетие до н. э.: 3 — хеттские иероглифические (также в Ашшуре), 4 — ликийские, 5 — «миллийские», 6 — карийские (также в Египте), 7 — лидийские, 8 — фригийские (с туземным алфавитом), 9 — фригийские поздние и мисийские, 10 — писидийские, 11 — этекирские, 12 — районы греческой колонизации

интерпретирован и глубоко изучен. Его индоевропейский характер установлен почти 40 лет назад Б. Грозным⁶; в ходе дальнейших исследований это подтверждено на обширном материале целым рядом исследователей⁷. Однако до самого последнего времени, вопреки языковым материалам, все еще делаются попытки отнести неситский к другим языковым семьям⁸.

что окончательная дешифровка хеттских иероглифов является достижением буквально последних лет, а полная интерпретация языка хеттских иероглифических надписей еще представляет собой дело будущего, мы пока не в состоянии учесть исторических изменений рассматриваемых языков на протяжении II и I тысячелетий до н. э.

⁶ Б. Грозный, *Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm*, Leipzig, 1917.

⁷ С. Marstrand, *Caractères indo-européens de la langue hittite*, Christiania, 1919; Т. Милевский, *L'indo-hittite et l'indo-européen*, Cracovie, 1936; Н. Pedersen, *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*, København, 1938; Е. Н. Стуртевант и Е. А. Халл, *A comparative grammar of the hittite language*, vol I, rev. ed., New Haven — London, 1951 (1-е изд.: Philadelphia, 1933).

⁸ Так, все древние языки Малой, а также Передней Азии объединяются иногда вместе с кавказскими языками в одну так называемую хеттско-иберийскую или иберийско-кавказскую семью языков, ср.: Н. Бердзенишвили, И. Джавахид

В гораздо менее благоприятных условиях находится изучение других языков древней Малой Азии, тем не менее за последнее десятилетие и в этой области достигнуты значительные успехи. Исследование лувийских материалов, осуществленная, наконец, дешифровка хеттских иероглифов и дальнейший анализ ликийских и лидийских надписей дают основания считать лувийский, хеттский иероглифический и ликийский, а также, возможно, и лидийский индоевропейскими языками и по некоторым чертам довольно близкими неситскому.

*

За исключением хеттского иероглифического, языки II тысячелетия, с одной стороны, и языки I тысячелетия, с другой, дошли до нас через посредство разных и притом заимствованных графических систем. Вавилонская клинопись памятников II тысячелетия⁹, созданная для языков с другим фонетическим строем, а также алфавитная письменность памятников I тысячелетия, общая по происхождению с греческой, каждая по-своему, затемняют и искажают звуковой состав фиксируемых ими языков Малой Азии.

Кроме того, некоторые из интересующих нас языков, например лувийский и карийский, представлены очень малым количеством памятников¹⁰; более многочисленны памятники других языков, например лидийского и фригийского, крайне однообразны по содержанию и, следовательно, по грамматическим конструкциям и лексике; наконец, некоторые языки, например ликийский, ввиду отсутствия билингв, весьма трудно поддаются интерпретации. Обстоятельства такого рода обуславливают недостаточную полноту и достоверность наших сведений о малоазиатских языках, а следовательно, и известную дискуссионность выводов, основанных на этих сведениях.

*

Как уже говорилось, памятники неситского языка написаны клинописью. Неситская клинопись по выбору и форме знаков восходит к вавилонскому варианту аккадской клинописи. Клинописная система письма, заимствованная самими аккадцами у шумеров, но без труда и не полностью была приведена в соответствие с аккадской фонетикой. Естественно, что звуковой состав неситского языка отражается клинописью еще более несовершенно и приблизительно. Поэтому мы не можем дать точную фонетическую характеристику неситских звуков¹¹.

Написание некоторых слов то через *a*, то через *e* для случаев, где нет оснований ожидать чередования, позволяет предположить, что в неситском языке различались два *e* — более закрытое и более открытое. И в аккадском, и в неситском языках имеются знаки для *e* и для *i*, но так как каждый слоговой знак, содержащий «согласный + *i*», может также

швили, С. Джанашиа, История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1950, стр. 16 и, в известной степени, также Арн. Чикобава, Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик, сб. «Иберийско-кавказское языковедение», II, Тбилиси 1948, стр. 255. Нет четкой постановки вопроса и в указ. работе А. С. Чикобава «Введение в языкознание» (см. стр. 211—212, 227). См. также Г. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, Ереван, 1947 [обл.: 1948], стр. 247—248.

⁹ Заимствована через хурритов Передней Азии.

¹⁰ Фактически можно считать, что собственно лувийские памятники до нас не дошли — имеются лишь вставки на лувийском языке в неситских текстах.

¹¹ О звуковой системе неситского языка см. И. Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952.

рассматриваться как содержащий «согласный + е», то в ряде случаев трудно сказать, где действительно *i*, а где *e*.

В неситском — два знака для *и*, которые обозначаются в транслитерации *и* и *й*. Употребление *и* в одних словах, а *й* в других проводится довольно последовательно. Это дает повод предполагать, что звуки, обозначаемые *и* и *й*, различались и что один из этих звуков мог быть *o*¹².

Спорным является вопрос о том, были ли в неситском языке дифтонги. Написания *ai* и *au* встречаются, например *ais* «рот», *pais* «он повернул», *dau* «возьми» и т. д.; но окончательно не доказано, что эти сочетания гласных представляют собой один слог¹³.

Примерное соответствие большинства неситских согласных аккадским не вызывает сомнения. Постоянное смещение знаков для звонких и глухих шумных смычных звуков давало, как будто, основание считать, что для неситского языка звонкость не фонематична. Однако за последнее время считается установленным¹⁴, что в неситском письме существовала тенденция обозначать глухие согласные посредством их удвоения (примерно так же, как это имеет место в хурритском) и что, следовательно, в произношении различались [*k*] и [*g*], [*t*] и [*d*], [*p*] и [*b*], а также, возможно, [*h*] и [*γ*]¹⁵. Есть основания считать, что в неситском не было звуков [*š*]¹⁶ и [*z*]¹⁷; транслитерационные *š* и *z* обозначают соответственно [*s*] и [*ts*]¹⁸. Частое удвоение *š* свидетельствует о том, что оно было глухим [*s*]. Транслитерационное *h*, возможно, обозначает в неситском три звука: звонкий и два глухих — более сильно артикулируемый и более слабо артикулируемый¹⁹.

Таким образом, в неситском языке считается предварительно установленным следующий звуковой состав:

гласные — *a*, *e* (*e?*), *i*, *u*, (*o?*);

согласные — *w* (*u?*)²⁰, *j* (*i?*)²⁰, *p*, *b*, *t*, *d*, *k*, *g*, *h* (*h?*), *h*, *γ*, *s*, *m*, *n*, *l*, *r*.

Лувийские отрывки написаны той же клинописью, что и неситские тексты, в которые они бываю вставлены²¹. Так как до последнего времени было известно довольно мало таких отрывков, то до сих пор не удалось выявить какие-либо различия между звуковым составом лувийского языка и неситского.

Существует предположение, что наиболее ранние хеттские иероглифические памятники являются по языку лувийскими. Однако, даже если оно будет доказано, это ни в коем случае не дает основания отождест-

¹² Аналогичное явление см. в хурритском языке.

¹³ Доводом в пользу того, что такого рода написания отражают дифтонги, является наличие соответственных слов с дифтонгами в индоевропейских языках.

¹⁴ E. H. Starbuck and E. A. Hahn, A comparative grammar of the hittite language, vol. I, стр. 26.

¹⁵ Поэтому транслитерация должна обязательно отражать удвоение согласных. Но встречающиеся в неситских текстах аккадских словах знаки, содержащие *h*, и знаки, содержащие *g*, употребляются безразлично; в египетском языке, где [*š*] и [*z*] различались, неситские имена, написанные знаками, содержащими *š*, транскрибируются посредством *z*.

¹⁶ Ср. *es-za-zi son est* от основы *et* «есть», *si-pa-en-za-ki-iz-zi* (читать *spantskitsi*) «он подливает» от основы *si* «возливать» и т. д.

¹⁷ *ts* — либо аффрикат, [*ts*], либо сочетание [*t*] или [*d*] с [*s*].

¹⁸ В пользу последнего свидетельствует наличие написаний *essar*, род. падеж *esnas* «пронь» наряду с *eshar*, род. падеж *eshanas* (с тем же значением).

¹⁹ Щелевые согласные *h* и *j*, возможно, могли быть в неситском также неслогообразующими гласными *и* и *й*.

²¹ Г. Оттену удалось собрать 157 отрывков (Bruchstücke) лувийских текстов, в том числе, как будто, два эпических (№№ 107, 108), которые опубликованы в автографии (см. «Keilschrifturkunden aus Boghazköi.» Bd. XXXV), а также в транслитерации (см. H. Otten, Luvische Texte in Umschrift, Berlin, 1953).

вить язык всех хеттских иероглифических текстов с лувийским. Язык большинства исследованных хеттских иероглифических надписей — особый, несомненно отличающийся от лувийского. Более правдоподобно, хотя и не обязательно, отождествление хеттского иероглифического языка с палайским²².

Лишь в самое последнее время, в связи с находкой двуязычной надписи из Каратеппе и уже появившимися исследованиями хеттского иероглифического²³ и финикийского²⁴ текстов этой надписи, можно говорить о том, что дешифровка хеттских иероглифов, в основном, закончена и является достоверной. Разумеется, фонетические значения хеттских иероглифов, выясненные посредством сопоставления имен собственных в двуязычных памятниках (таких, как печати с иероглифическими и клинописными легендами, различные мелкие финикийско-иероглифические надписи и т. п.), а также при помощи анализа вариантов написаний одного и того же слова, дают лишь самое примерное представление о звуковом составе языка хеттских иероглифов.

Мы знаем, что в хеттском иероглифическом языке были гласные *a*, *i*, *u*; существовало ли *e* — неясно. Некоторые из тех знаков, которые И. Гельб считает соответствующими *e* и сочетанию «согласного + *e*», чередуются на письме со знаком для *a* и со слоговыми знаками, содержащими *a*, другие же — со знаком для *i* и со слоговыми знаками, содержащими *i*; соответственно, знаки, которые Гельб транслитерирует как *e*, *he*, *le*, *ne*, *te*, *ē*, *me*, *se*, транслитерируются как *ā*, *hā*, *lā*, *nā*, *tā*, *ī*, *mī*, *sī*²⁵, а наличие *e* ставится под сомнение. Сogласный *n* в позиции после гласной и перед согласной, повидимому, не обозначался; становилась ли предшествующая гласная носовой или долгой или же оставалась без изменений — не вполне ясно. Две наклонные линии под знаком для гласного, часто появляющиеся в тех случаях, когда отсутствует *n*, ожидаемое нами по этимологическим соображениям (ср. *pātu* «пусть они дадут», *ajātu* «они делали», *āta* «в»; ср. несит. *anta* «в»), И. Гельб предлагает рассматривать как обозначение носовой окраски гласного²⁶. Эта точка зрения кажется убедительной, и мы можем, со значительной долей вероятности, считать, что в хеттском иероглифическом были носовые гласные, которые транслитерируются как *a* и *i*²⁷. Предварительно установлен следующий состав согласных в хеттском иероглифическом: *w*, *p*, *t*, *k*, *h*, *s*, *š*, *n*, *m*, *l*, *r*.

В отличие от неситского и лувийского (которые известны нам по клинописным надписям II тысячелетия), ставших достоянием науки лишь в XIX в., лийкийский дошел до нас в памятниках I тысячелетия (V—IV века до н. э.), которые изучаются уже около ста лет. Почти все 150 имеющихся надписей являются очень однообразными по содержанию надгробными надписями. Самый крупный памятник — так называемая

²² Эта мысль принадлежит Б. Грозному (см. В. Грозный, Les inscriptions «hittites» hiéroglyphiques de Boybeyunari et le problème de la langue paläite, «Archiv orientální», vol. VII, № 1—2, 1935, стр. 156 и 177).

²³ См. H. Th. Bossert, Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe, «Archiv orientální», vol. XVIII, № 3, 1950 и др.

²⁴ См. И. Н. Виноков, Новые финикийские надписи из Киликии, «Вестник древней истории», 1950, № 3.

²⁵ По И. Фридриху.

²⁶ См. I. J. Gelb, Hittite hieroglyphs, II, Chicago, III., стр. 9 и сл.

²⁷ Между прочим, отсутствие третьего знака, подчеркнутого двумя наклонными линиями, может косвенно свидетельствовать о том, что в хеттском иероглифическом не было звука *e*, так как он, по всей вероятности, также мог бы получать носовую окраску, которая скорей всего обозначалась бы тем же способом, что и носовая окраска у других звуков.

«стола из Ксанфа» представляет собой довольно обширный исторический текст, который, за вычетом нескольких предложений, до сих пор не удается интерпретировать.

Ликийские тексты написаны алфавитным письмом западногреческого происхождения. Орфография очень произвольна, поэтому трудно отличить фонетические различия от графических колебаний. В установлении фонетических значений ликийских знаков важную роль сыграли двуязычные (греко-лийские) легенды монет.

Для ликийского установлен следующий примерный состав гласных²⁸: *a, e, i, u; e*, очевидно, было открытое, так как в одном и том же слове пишется то *e*, то *a*. Лийское *e* к тому же в греческом часто передается через *α*; знак для *e* — вариант буквы *Α* (греческое *ε* в ликийском обозначает не *e*, а *i*); *o* в ликийском, очевидно, не было, так как греческая *ω* передается посредством *a*. Лийское *o* обозначает *u*, что явствует из передачи этого знака в греческом посредством *ο*. В ликийском были также носовые гласные *ā* и *ē* (установлены посредством анализа различных вариантов ликийских написаний и греческой транскрипции).

Лийские согласные транслитерируются следующим образом: *w, j*²⁹, *p, b, β, t, τ, d, k, q, g, s, h, θ, χ, x, m, ṁ, n, ñ, l, r, z; m* и *n* употребляются только в начале слога; *ṁ* и *ñ* обозначаются другими знаками и употребляются только в конце слога; *ṁ* и *ñ*, вероятно, могли быть слогаобразующими, например *lusñtre* наряду с *lusañtra* — Λουσαντρος, *hñprāma* — Ἡψρομος; после *ṁ* и, может быть, после *ñ* транслитерационные *p* и *t* произносились звонко; *t* очень редко чередуется в написании с *τ* (условия этой замены неясны); *k* в греческом транскрибируется то как *σ*, то как *κ* и употребляется в ликийском для обозначения иранского *š*³⁰; очевидно, ликийское *k* было сильно палатализованным [*k'*]; щелочной характер *β* не вызывает сомнений, но для *b* и *d* его нельзя считать твердо установленным; предполагают, что *h* было глухим, фарингальным и произошло из *s*; *θ* чередуется на письме с *z* и *s* и, вероятно, представляет собой [θ], тем более, что для передачи греческой *θ* (*t* с придыханием) в ликийском используется *t*; *χ*, очевидно, — заднеязычный спирант, тождественный звуку, транслитерируемому в неситском языке и других посредством *h*³¹; *x* встречается чрезвычайно редко; характер его неясен; *z*, повидимому, аффрикат [*ts*].

Для ликийского письма весьма характерно удвоение знаков, обозначающих согласные (кроме *b, k* и *r*), — оно может иметь место после всех согласных, кроме *ṁ* и *ñ*; *t, d* и *z* удваиваются также в начале слога и в интервокальном положении. Фонетическое значение этого графического явления неясно.

Наши сведения о лидийском языке и, в частности, о его звуковом составе очень ограничены. Известна 51 лидийская надпись (V—IV вв. до н. э.). Почти все надписи найдены археологами в 1910—1923 годах, однако первая лидийская надпись стала известна еще в 1873 г. Значительная часть надписей — надгробные; есть посвятельные, а также надписи на сосудах. Интерпретация лидийского языка основывается преимущественно на лидийско-арамейской билингве, в которой, однако, лидийские и арамейский текст не вполне соответствуют друг другу,

²⁸ Разумеется, греческие транскрипции не дают нам адекватного представления о ликийских звуках.

²⁹ Неясно, могли ли *j* и *w* быть также неслогообразующими гласными *i* и *u*.

³⁰ Лик. *kizapṛīna* — иран. *Ciçafarna*.

³¹ Для удобства сопоставления ниже будем вместо *χ* употреблять *h*.

причем последний сам по себе представляет графические и языковые трудности.

Лидийская письменность, как и ликийская, греческого происхождения, имеет те же, что и в ликийском, дополнительные знаки, однако звуковое значение их иное (где по-лийски $\tilde{n}$, χ , $\tilde{e}$, там по-лидийски соответственно τ , δ , λ). Примерный звуковой состав лидийского языка установлен частью по греческой и арамейской транскрипции имен собственных, частью по форме знаков.

Лидийские знаки транслитерируются следующим образом:

гласные — a , e^{32} , i , i^{33} , o , u (чистые); $\tilde{a}$, $\tilde{e}$ (носовые);
согласные — b , d , v^{34} , k , l , m , n , r , s , $\acute{s}$, t , f , p , τ , λ , v , q (?), g (?).

В написании b чередуется с f , следовательно, b было спирантным; возможно, спирантным было и d , так как греческая δ передается в лидийском посредством t . Греческая σ транскрибируется в лидийском при помощи s и $\acute{s}$, однако в лидийском s и $\acute{s}$ различаются довольно строго. Перед v встречаются только носовые гласные; τ может транскрибироваться греческой δ (например, $\acute{s}ant\acute{s}$ — $\Sigma\acute{\alpha}\nu\delta\alpha\varsigma$); q может быть слогообразующим и неслогообразующим. Чтения τ , p , λ , q и g не вполне достоверны; вместо p для того же знака предлагается чтение h .

Подводя итог всему сказанному, мы должны признать ограниченность наших сведений о звуковом составе и, тем более, об исторической фонетике языков Малой Азии II и I тысячелетий. Это приводит к тому, что родственные черты в грамматике и в особенности в лексике могут улавливаться лишь частично. Возможности сравнительных сопоставлений неизмеримо возросли бы, если бы мы могли установить систему фонетических соответствий древнеанатолийских языков как между собой, так и с известными нам многочисленными живыми и мертвыми индоевропейскими языками.

Как и следовало ожидать, сравнительное изучение языков древней Малой Азии показывает, что черты наибольшего сходства этих языков между собой и с другими индоевропейскими языками мы имеем в области морфологии. Естественно, что изложение этого вопроса должно опираться прежде всего на факты неситского языка как лучше интерпретированного и изученного.

В настоящее время мы имеем довольно полное представление о неситском словообразовании и словоизменении как в описательном³⁵, так и в сравнительно-лингвистическом плане³⁶. Однако характер этой статьи вынуждает нас ограничиться ссылкой на существующую литературу.

Сравнение падежных окончаний в неситском, греческом (3-е склонение) и в санскрите дает ясное представление об индоевропейском характере неситского склонения³⁷ (см. табл. на стр. 70).

³² Гласный e — открытый, так как греческое ϵ передается посредством i .

³³ Различие между i и i^{33} не установлено.

³⁴ Разница в транслитерационных знаках w и v связана здесь с научной традицией.

³⁵ См. И. Фридрих, указ. соч.

³⁶ См. Е. Н. Sturtevant and Е. А. Hahn, указ. соч., а также статью А. В. Десницкой «О хеттском языке» [предисловие к кн. И. Фридриха «Краткая грамматика хеттского языка» (М., 1952)].

³⁷ Даны падежи, представленные во всех трех языках; в неситском, кроме того, имеются отложительный падеж на $-z$ и творительный на $-it$.

Падежи	Единственное число		
	несит.	греч.	санскрит.
Им.	-s	-ς	-h
Род.	-s	-ος	-h
Дат.	-i	-ι	-e
Вин.	-n	-ν	-m

В глагольной системе неситского языка также преобладают индоевропейские черты. Так, например, суффиксы каузативных и итеративных глаголов и большинство глагольных приставок имеют достоверные индоевропейские соответствия; то же можно сказать об окончаниях причастия повелительного наклонения и медио-пассивного залога. В неситском два спряжения, которые по флексии 1-го лица ед. числа наст. времени называются спряжением на *-mi* и спряжением на *-hi*.

Личные окончания обоих спряжений в настоящем времени активного залога следующие:

Актив

Спряжение на *-mi* Спряжение на *-hi*

Ед. число

1-е лицо	<i>-mi</i>	<i>-hi</i> (<i>-ahhi</i>)
2-е лицо	<i>-si</i>	<i>-ti</i>
3-е лицо	<i>-zi</i>	<i>-i</i>

Мн. число

1-е лицо	<i>-weni</i>
2-е лицо	<i>-teni</i>
3-е лицо	<i>-anzi</i>

Медиопассив

Спряжение на *-mi* Спряжение на *-hi*

Ед. число

1-е лицо	<i>-hahari</i> (<i>-hari</i>)
2-е лицо	<i>-ta</i> (<i>-ti</i>)
3-е лицо	<i>-tari</i> (<i>-ta</i>) <i>-ari</i> (<i>-a</i>)

Мн. число

1-е лицо	<i>-wastati</i> (<i>-wasta</i>)
2-е лицо	<i>-tuma</i> (<i>-tumari</i>)
3-е лицо	<i>-antari</i> (<i>-anta</i>)

Обзор неситской морфологии показывает ее бесспорно индоевропейский характер. Наши сведения о морфологии остальных языков древней Малой Азии гораздо более ограничены, поэтому их сравнительное описание носит весьма отрывочный характер. Так, известные нам факты лувийской морфологии говорят о несомненной близости лувийского языка неситскому. У лувийского имени, как и у неситского, различаются основы на *-a*, *-i* и *-u* (в отличие от неситского имеется еще основа на *-ja*, в некоторых падежах совпадающая с основами на *-i*). Лувийские

окончания именительного, винительного и дательного падежей единственного числа совпадают с соответственными неситскими; однако родительный падеж в лувийском отсутствует, его роль играют притяжательные прилагательные на *-sas* или *-ses*; нет и творительного падежа, в ряде случаев ему бывает близок так называемый *adverbialis* на *-ti*. Именительный падеж множественного числа в лувийском *-nzi*, винительный падеж множественного числа *-nza*.

В глагольной системе лувийского и неситского языков также много общих черт. Так, лувийский глагольный суффикс *-ss-* (иногда *-sk-*) соответствует неситскому итеративному суффиксу *-sk-* (ср. лув. *tijane-ss-*, а также *tijane-sk-* и *hahre-sk-* «насмехаться»). Лувийская форма 3-го лица ед. числа императива совпадает с неситской (ср. лув. *awi-tu* «пусть увидит!»). В лувийском, как и в неситском, активному залогу противостоит медиопассивный с формами на *-r* (например, лувийский медиопассив: 2-е лицо мн. числа на *-tuwari* и 3-е лицо мн. числа на *-ntari*). Лувийские личные окончания 1-го и 2-го лица ед. числа наст. времени *-wi* и *-si* соответствуют окончаниям неситского спряжения на *-mi* (окончание *-mi* встречается в лувийском редко: как правило, *-mi* уже перешло в *-wi*; 3-е лицо ед. числа наст. времени в лувийском *-ti*, *-anti* вместо неситского *-zi*, *-anzi*), а окончания лувийского прошедшего времени (1-е лицо ед. числа *-ha* и 3-е лицо ед. числа *-nta*) соответствуют окончаниям неситского спряжения на *-hi*. Мы видим, однако, что, хотя формы личных окончаний в лувийском в общем те же, что и в неситском, распределение их, насколько пока известно, — иное: возможно, лувийский, в отличие от неситского, имеет не два типа спряжения, а один³⁸.

Интерпретация языка недавно, наконец, дешифрованных хеттских иероглифов пока еще не особенно продвинулась. Однако исследования Э. Форрера, Б. Грозного, И. Гельба, Дж. Бонфанте, П. Мериджи, Х.Т. Боссерта и др., с одной стороны, позволяют утверждать, что хеттский иерогли-

Падежи	Единственное число		Множественное число	
	Общий род	Средний род	Общий род	Средний род
Им.		<i>-s</i> ³⁹	<i>-i</i> , <i>-ia</i>	<i>-an</i> ⁴²
Вин.	<i>-n</i>	<i>-in</i> ⁴⁰	<i>-i</i> , <i>-ia</i>	<i>-an</i> ⁴² , <i>-a</i> , <i>-i</i>
Род.		<i>-s</i>	<i>-sa</i> , <i>-sa</i>	
Дат.-местн.	ноль, <i>-a</i> , <i>-an</i> ⁴¹		<i>-in</i> ⁴⁰	
Отл.-твор.		<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	

³⁸ Палайский (?) язык, по мнению Оттена (см. указ. соч.), близок как неситскому, так и лувийскому. С неситским его сближают такие местоимения, как *kwis*, *kwi* и окончание им. падежа *-s*, а с лувийским — глагольные окончания *-ti* и *-anti*; аналогично с неситским и лувийским имеет, возможно, палайское повелительное наклонение (ср. пал. *as-tu* и *as-a-ntu*), а также медиопассив на *-r* (ср. палайскую глагольную форму *kitar*).

³⁹ Легко можно было бы предположить, что окончание им. падежа ср. рода должно совпадать с окончанием вин. падежа ср. рода, однако дело обстоит не так: как пишет И. Гельб, «... им. пад. ед. ч. ср. рода, вопреки ожиданиям, оканчивается на *-s*, повидимому, заимствованное из мужского-женского рода» (I. J. Gelb, *Hittite hieroglyphs*, III, Chicago, Ill., стр. 53).

⁴⁰ В транслитерации *ṭ*.

⁴¹ В транслитерации *ā*; назализация здесь, очевидно, вторичная.

⁴² В транслитерации *ā*.

фический язык не тождествен ни одному из ранее известных языков древней Малой Азии, с другой стороны, дают веские доводы в пользу индоевропейского характера хеттского иероглифического языка и его более тесного родства с другими индоевропейскими древнеанатолийскими языками, в частности, с лувийским и ликийским. В хеттском иероглифическом выявлены имена с основами на *-a*, *-i*, *-u*, а также на *-nt*. Установлено наличие, так же как и в неситском, двух грамматических родов — общего (иначе — так называемого мужского-женского) и среднего, двух чисел — единственного и множественного, пяти падежей — именительного, родительного, дательного-местного, винительного и отложительного-творительного. Окончания падежей приведены на стр. 71.

Стереотипность хеттских иероглифических надписей приводит к тому, что некоторые глагольные формы редки или вовсе не встречаются, поэтому глагольное словообразование и словоизменение в хеттском иероглифическом пока еще не достаточно ясно. Известен ряд личных глагольных форм, например от глагола *aja*- «делать» (ср. лув. *aia*- и несит. *iia*- — с тем же значением): *aia-ha*, *aia-na*⁴³; *aia-nwa*, *aia-nta*, *aia-nha*, *aia-nru*, *aia-sxsi*⁴⁴, *aia-sxta*, *aia-sxtara*.

Установлено, что *aia-ha* является формой 1-го лица ед. числа прош. времени, а *aia-ta* — формой 3-го лица ед. числа прош. времени. Обе эти формы совпадают с соответственными лувийскими. Этимологизация остальных хеттских иероглифических глагольных форм вызывает затруднения, хотя сравнение с другими древнеанатолийскими индоевропейскими языками дает известные основания для увязки неясных форм частью с настоящим временем (формы на *-si* и, может быть, на *-nta*), частью с прошедшим [формы на *-s(x)ta* и *-nta*, *-nha*, которые, возможно, соответствуют 2-му лицу ед. числа и 3-му лицу мн. числа], частью с медиопассивом (формы на *-i*).

Ликийский язык, как говорилось, до сих пор плохо поддается интерпретации. Однако большинство выясненных фактов ликийской морфологии имеет соответствия в лувийском, палайском, хеттском иероглифическом и отчасти в неситском языке, что свидетельствует о принадлежности ликийского к древнеанатолийской группе индоевропейских языков.

Как и в других индоевропейских языках Малой Азии, в ликийском не различается мужской и женский род; неясно, существует ли здесь вообще категория грамматического рода. Выявлены именные (в ряде случаев они же и глагольные) основы на *-a* и *-e* и именные основы на *-i*. В единственном числе различаются четыре падежа — именительный (с нулевым окончанием), винительный (на *-n*, графически: *-ā*, *-ē*, *i*), дательный (на *-i*) и отложительный-творительный (на *-ti*); во множественном числе засвидетельствованы винительный падеж (на *-as*) и дательный (на *-a*). Как и в лувийском, имеются притяжательные прилагательные (оканчиваются на *-ahi*, *-ehi*; в вин. падеже на *-hn*).

Полная парадигма ликийского спряжения до сих пор неизвестна. Окончание 3-го лица ед. числа наст. времени — *-ti*, 3-го лица мн. числа — *-nti* (графически: *-āti* или *-ēti*), 1-го лица ед. числа прош. времени — *-ha*, 3-го лица ед. числа — *-te*, 3-го лица мн. числа — *-nte* (графически: *-āte* и *-ēte*), 3-го лица ед. числа императива — *-tu*, 3-го лица мн. числа — *-ntu* (графически: *-ātu*). Эти окончания совпадают с соответственными окончаниями лувийского, отчасти также хеттского иероглифического (1-го лица и 3-го лица ед. числа прош. времени) и в некоторых случаях

⁴³ *ā* транслитерируется здесь и в последующих примерах как *an*, чтобы не включать тематический гласный и личное окончание.

⁴⁴ *x* обозначает в транслитерации неустановленный гласный.

неситского (в частности, 3-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа императива).

Язык большинства ликийских памятников в общем един. Однако часть надписи на стеле из Ксанфа и одна надпись из Антифеллы имеют графические и фонетические особенности (вместо *h* — *s*, вместо *cb* — *tb*). Некоторые ученые (Имберт, Педерсен) рассматривают язык этих текстов как язык, отличный от ликийского, хотя и близко родственный ему, и называют его милийским; большинство же считает его диалектом ликийского и называет «ликийским Б».

То немногое, что нам известно из лидийской морфологии, дает некоторые основания для отнесения лидийского языка к древнеанатолийской группе индоевропейских языков, но допускается также возможность иного истолкования (например, сближение лидийского с этрусским, который, впрочем, согласно мнению ряда исследователей, также является индоевропейским).

В лидийском языке установлено два грамматических рода: один имеет именительный падеж на *-s*, другой — на *-d*. Все названия лиц относятся к роду на *-s*, а названия предметов — к обоим родам. Известно два косвенных падежа — падеж на *-l* (со значением дательного, местного, отложительного и иногда винительного падежа единственного числа) и падеж на *-v* после согласного, реже на *-n* (со значением винительного падежа единственного числа; ср. неситский, лувийский, хеттский иероглифический и вообще индоевропейский винительный падеж единственного числа на *-n*); падеж на гласный (обычно *a*) плюс *v* является, очевидно, косвенным падежом множественного числа.

В лидийском, так же как в лувийском и в ликийском, нет родительного падежа, зато имеются притяжательные прилагательные, которые оканчиваются в именительном падеже, в зависимости от рода, на *-lis* (реже — на *-is* или *-sis*) или на *-lid* и имеют косвенный падеж на *-l*.

Из глагольных окончаний известно только окончание 1-го лица ед. числа наст. времени на *-u* (после согласной) и на *-o* (после гласной)⁴⁵ и 3-го лица ед. и мн. числа наст. времени на *-t* (или на *-d*)⁴⁶.

Приведенный здесь краткий обзор показывает индоевропейский характер морфологии группы языков древней Малой Азии. Это положение приобретает большую наглядность и убедительность при сопоставлении некоторых парадигм склонения и спряжения.

Окончания склонения имен общего рода⁴⁷ в единственном числе

Падежи ⁴⁸	Несит.	Лувийск.	Хет. иероглиф.	Ликийск.	Лидийск.	Греч.	Санскрит.
Им.	<i>-s</i>	<i>-s</i>	<i>-s</i>	ноль	<i>-s</i>	<i>-ς</i>	<i>-h</i>
Род.	<i>-s</i>	— ⁴⁹	<i>-s</i>	— ⁴⁹	— ⁴⁹	<i>-ος</i>	<i>-h</i>
Дат.	<i>-i</i>	<i>i</i>	ноль, <i>-a</i>	<i>-i</i>	<i>-l</i>	<i>-ι</i>	<i>-e</i>
Вин.	<i>-n</i>	<i>-n</i>	<i>-n</i>	<i>-n</i>	<i>-n</i>	<i>-v</i>	<i>-m</i>

⁴⁵ Ср. окончание лувийского 1-го лица наст. времени *-wi*.

⁴⁶ Ср. окончание ликийского 3-го лица ед. числа наст. времени *-ti*.

⁴⁷ Для греческого и санскритского — мужского рода.

⁴⁸ Даны падежи, представленные в большинстве языков.

⁴⁹ Значение отсутствующего в лувийском, ликийском и лидийском родительного падежа выражается сочетанием существительного и притяжательного прилагательного: в лувийском — на *-sas* или *-sis*, в ликийском — на *-ahi* или *ehi*, в лидийском — на *lis* (реже — на *-is* или *-sis*).

Окончания спряжения на *-mi* в настоящем времени

	Несит.	Лувийск.	Хет. иероглиф.	Ликийск.	Лидийск.	Греч.	Санскрит.
Ед. число							
1-е лицо	<i>-mi</i>	<i>-wi(-mi)</i>	?	?	<i>-u, -v</i>	<i>-mi</i>	<i>-mi</i>
2-е лицо	<i>-si</i>	<i>-si</i>	<i>-si (?)</i>	?	?	<i>-ς</i>	<i>-si</i>
3-е лицо	<i>-zi</i>	<i>-ti</i>	?	<i>-ti</i>	<i>-t</i>	<i>-σι < -τι</i>	<i>-ti</i>
Мн. число							
1-е лицо	<i>-weni</i>	?	?	?	?	<i>-μεν</i>	<i>-mah</i>
2-е лицо	<i>-teni</i>	?	?	?	?	<i>-τε</i>	<i>-thā</i>
3-е лицо	<i>-anzi</i>	<i>-nti</i>	<i>t</i>	<i>-nti</i>	<i>-t</i>	<i>-ασι (дор. -ντι)</i>	<i>-anti</i>

Окончания спряжения на *-mi* в прошедшем времени

	Несит.	Лувийск.	Хет. иероглиф.	Ликийск.	Лидийск.
Ед. число					
1-е лицо	<i>-un</i>	<i>-ha</i>	<i>-ha</i>	<i>-ha</i>	}
2-е лицо	<i>-ta</i>	?	<i>-sta (?)</i>	?	
3-е лицо	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-te</i>	
Мн. число					} неизвестны
1-е лицо	<i>-wen</i>	?	?	?	
2-е лицо	<i>-ten</i>	?	?	?	
3-е лицо	<i>-ir</i>	<i>-nta</i>	<i>-nta</i>	<i>-nte</i>	

Конечно, есть в древнеанатолийских языках и такие формы, которым оказывается затруднительным найти объяснение с точки зрения индоевропейского языкознания⁵⁰, но это не меняет общей картины близкого родства.

*

Убедившись в родстве группы языков древней Малой Азии с индоевропейскими языками в области морфологии, мы должны посмотреть, как обстоит дело в области лексики⁵¹.

Еще при первоначальном знакомстве с неситской лексикой Б. Грозный отметил несколько слов, индоевропейская этимология которых бросалась в глаза и впоследствии подтвердилась. В дальнейшем число слов

⁵⁰ Так, например, родительный падеж неситских местоимений (и числительных) *-el* лишь с большим трудом может быть принят как индоевропейский; объяснение его по связи с индоевропейскими притяжательными прилагательными, образованными при помощи форманта *-l-* (Х. Недерсен, А. В. Десницкая), не дает окончательного решения вопроса, так как притяжательные прилагательные на *-l-* имеются не только в латинском, греческом, славянском, литовском, но и в лидийском и этрусском, а также в хаттском и грузинском и в других языках. Не исключено, что формант *-l-* хаттско-кавказского происхождения (Г. Кананиан, В. Георгиев), а может быть, даже является одним из фактов, свидетельствующих о древнейших межсемейных языковых связях.

⁵¹ Я позволю себе обойти здесь вопросы синтаксиса, так как сходство структуры предложения не свидетельствует о генетическом родстве.

с достоверной индоевропейской этимологией значительно увеличилось, но тем не менее большая часть неситской лексики по настоящее время считается неиндоевропейской⁵². Примерно так же обстоит дело и с лексикой остальных древнеанатолийских языков. Нужно, однако, сказать, что, если, может быть, не весь основной словарный фонд этих языков является индоевропейским, то зато все слова, индоевропейскую этимологию которых удалось выяснить, относятся к основному словарному фонду⁵³.

В дальнейшем, когда удастся разработать историческую фонетику древнеанатолийских языков, слов с индоевропейской этимологией может оказаться в этих языках гораздо больше. Однако даже имеющихся в настоящее время фактов достаточно, чтобы подтвердить устанавливаемые преимущественно посредством сравнения грамматических формантов взаимосвязь и индоевропейский характер древнеанатолийских языков⁵⁴.

Заслуживает внимания соотношение языков внутри древнеанатолийской группы. Этот вопрос еще не достаточно изучен. Имеющиеся пока данные (глагольная флексия⁵⁵ и др.⁵⁶) говорят о более тесной связи лувийского, ликийского и хеттского иероглифического, тогда как неситский оказывается несколько обособленным.

По характеру отражения заднеязычных согласных особняком стоят ликийский и хеттский иероглифический, которые являются языками типа *satəm* (ср. лик. *sñta* «сто», *esb-* «лошадь»; хет. иероглифич. *ašwta* «лошадь», *šwana* «собака», *šurana* «рог»), тогда как неситский и, повидимому, лувийский относятся к типу *centum* [ср. несит. *karz(a)* «сердце», лув. *kwinzi* «которые»]. Этот факт важен для проблемы деления индоевропейских языков на группы *centum* и *satəm* вообще.

Неоднократно обсуждался вопрос о том, не следует ли отнести к древнеанатолийским также фракийский, фригийский и карийский языки и не находится ли армянский в более тесном родстве с древнеанатолийскими языками, чем с другими индоевропейскими. Наши сведения о фракийском и карийском чрезвычайно скудны. Так, из незначительного количества небольших (содержащих главным образом имена собственные) граффити карийских наемников в Египте мало что можно выяснить, тем более, что и чтение карийских знаков еще не во всех случаях является окончательным. Все же и в карийском языке выявлены некоторые черты, которые могут быть индоевропейскими, например род. падеж на *-he* (ср. лик. притяжательные прилагательные на *-hi*, миллийские — на *-si*).

⁵² Впрочем, как и в любом индоевропейском языке (ср. А. М. Ейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 385).

Так как мы исходим из бесспорного положения о том, что строй языка, его грамматика и, в частности, морфология являются той основой языка, которая меньше всего поддается изменению, то установление родства в области морфологии является, по существу, достаточным основанием для суждения о родстве языков. Если к тому же удастся определить родство хотя бы части основного словарного фонда, то расхождение значительных лексических слоев не может поколебать соображений в пользу родства сравниваемых языков.

⁵³ О лексике неситского языка см. указ. предисловие А. В. Десницкой к книге И. Фридриха «Краткая грамматика хеттского языка»; о лексике хеттского иероглифического, ликийского, лидийского языков см. статью В. Георгиева «Вопросы родства средиземноморских языков» («Вопросы языкознания», 1954, № 4).

⁵⁴ Небезинтересно то обстоятельство, что некоторые слова, не имеющие индоевропейской этимологии, оказываются общими двум и более языкам древнеанатолийской ветви, что увеличивает внешне впечатление их близости, например: лид. *ber*, несит. *pīr* «дом»; лик. *pñlawa-* «строить», несит. *parna* «дом» (ср. хуррит. *purna* «дом?»); лув. *tapar-*, несит. *taparija-* «править» (ср. хат. *taparna* «царь»).

⁵⁵ Ср. таблицу на стр. 74.

⁵⁶ Подробнее см. F. J. Tritsch, Lycian, Luwian and Hittite, «Archiv orientální», vol. XVIII, № 1—2, 1950, стр. 508 и сл.

Еще хуже положение с памятниками фракийского языка: надпись имеется всего одна — очень краткая, на кольце; весь остальной материал — глоссы. О фригийском мы имеем более отчетливое представление. Этот язык существовал дольше других древних языков Малой Азии — со II тысячелетия до н. э. и до первых веков новой эры (во всяком случае, по V век включительно). Сохранившиеся фригийские надписи относятся к двум периодам — к VII в. до н. э. (так называемые старофригийские надписи) и к первым векам новой эры (так называемые новофригийские надписи). Известно также довольно много фригийских глосс. Однако билингв нет, и фригийский язык до сих пор в достаточной мере не интерпретирован. Тем не менее индоевропейский характер его грамматики и известной части лексики настолько очевиден⁵⁷, что установленная издавна принадлежность фригийского языка к индоевропейским никогда не оспаривалась даже теми, кто отказывался считать индоевропейскими такие языки, как неситский, ликийский и т. д.⁵⁸ Но именно этот явный «индоевропеизм», сближающий фригийский язык скорее с греческим, вместе с тем отличает его от языков древнеанатолийской группы и заставляет возражать против включения фригийского языка в эту группу⁵⁹.

Что касается соотношения армянского языка с индоевропейскими языками древнеанатолийской группы, то этот вопрос еще очень слабо разработан. Те сопоставления, которые до сих пор проводились в области морфологии этих языков, имели своей исходной точкой отрицание индоевропейского характера не только неситского, лувийского и других языков, но также и армянского. При доказанной в настоящее время ошибочности такого взгляда⁶⁰ эти сопоставления нуждаются в пересмотре. Что же касается выяснения неситско-армянских лексических связей, то здесь многое сделано академиком Г. А. Капанцян. Однако его труд был бы еще более ценен, если бы было проведено различие между лексическими связями, обусловленными родством, лексическими связями, являющимися результатом заимствования, и, наконец, лексическими связями, возникшими вследствие частичной общности субстрата⁶¹.

⁵⁷ К явно индоевропейским чертам фригийского относятся, например, такие наклонения, как им. падеж ед. числа муж. рода на *-es* и *-os*, вин. падеж на *-n*, дат. падеж ед. числа муж. рода на *-i*, *-ei*; в глаголе — аугмент, суффикс *-men-* для настоящего причастия (например, *etittetikmenos* «проклятый»), окончание 3-го лица настоящего и будущего времени глагола на *-et* и прошедшего времени на *-es*, повелительная и пожелательная форма *eiti* от глагола «быть»; в области лексики — глагол *da* «становить», *der-* «нести», имя существительное *materan* «мать» (в вин. падеже), относительное местоимение *ios*, указательное местоимение (в вин. падеже) *semün* и многие другие. Ряд слов во фригийском — общий с греческим или заимствован из греческого (гр. *kakōn* «зло» — вин. падеж; *wanaktei* «парю» — дат. падеж).

⁵⁸ Столь же очевиден индоевропейский характер мисийского языка.

Правда, от него сохранилась только одна надпись, но в ней встречаются такие характерные индоевропейские слова, как «брат» и «отец» (в сочетании *brateraiš patriš*).

⁵⁹ Античные авторы (Геродот, Евдокс Книдский и др.) указывали на общность происхождения армян и фригийцев. Эта точка зрения получила широкое распространение в западноевропейской науке. Однако каких-либо явных связей армянского языка с фригийским не установлено.

⁶⁰ Относительно армянского языка см. А. А. Асмангулян, Против гипотезы о «двународности» армянского языка («Вопросы языкознания», 1953, № 6).

⁶¹ Надо постоянно иметь в виду, что количественно преобладающая часть словарного запаса как языков древней Малой Азии, так и армянского проникла из неиндоевропейских языков, побежденных ими в процессе скрещения. Для неситского таким языком был, очевидно, хаттский; для армянского — близкие между собой хурритский и урартский. Эти языки-субстраты, вероятно, имели образовавшийся в результате заимствований некоторый общий лексический фонд, который мог быть унаследован языками-победителями; с одной стороны — неситским, с другой — армянским.

Чрезвычайно важно было бы установить возможные взаимоотношения армянского не столько с неситским, сколько с другими языками анатолийской группы, в особенности же с такими языками, как хеттский иероглифический и ликийский, принадлежащими, подобно армянскому и в отличие от неситского, к группе *satem*.

*

Нам остается теперь остановиться на хаттском языке, который приходится рассматривать отдельно от остальных языков древней Малой Азии, так как он не имеет с ними каких-либо уловимых связей. По тому, что нам известно о хаттском, скорее можно ожидать выявления его сходства с картвельскими языками. Как уже говорилось, памятники хаттского языка относятся ко II тысячелетию до н. э. Они представляют собой глоссы, цитаты, обрядовые формулы и небольшие культовые тексты, содержащиеся в неситских надписях и изредка снабженные неситским переводом. Очевидно, к тому времени, когда писались эти тексты, хаттский язык в Каппадокии был уже мертвым, и неситские писцы делали хаттские записи как бы «на слух», без понимания их смысла. Приписки самих писцов к некоторым текстам указывают, что эти тексты восстановлены ими по памяти после гибели первоначальной записи. Это обстоятельство, наряду с несовершенной передачей хаттского звукового состава средствами клинописи, затемняет особенности хаттской фонетики, а отчасти также морфологии и лексики. К тому же небогатый материал хаттских памятников еще до сих пор недостаточно исследован.

Хотя хаттские тексты транслитерируются так же, как неситские, есть основания считать, что звуковой состав хаттского языка был значительно сложнее, чем тот, который нам дает графика. Это видно, например, из колебаний в написаниях *t*, *z* [*ts*] и *l* (звук *l*), а также *k* и *ḡ* (звук *k*?) и т. п. Следовательно, транслитерацию хаттских слов следует считать очень условной.

Наши сведения о хаттской морфологии пока еще очень ограничены. Насколько известно, хаттское имя не имеет ни родов, ни классов. Впрочем возможно, что суффикс *-h* имеет характер классного показателя (ср. *katte* «царь», *kattah* «царица», *anta* «мужчина», *antuh* «человек»). Есть ли падежи, неясно: при существительном в начале периода может стоять частица *-ma*; не исключено, что это существительное является в данном случае субъектом переходного глагола (ср. грузинский показатель эргативного падежа *-ma*, *-man*). Вообще же субъект (во всяком случае переходного глагола), а также прямой и косвенный объект не оформлены (имеют нулевой показатель). Множественное число (может быть, собирательность?) обозначается префиксами, например *le-⁶²* (ср. *le-pini* «дети»), *š/se-⁶³*, и, возможно, суффиксами, например *-b/p* и др. Именные префиксы весьма разнообразны, если только не считать, что на самом деле это были предлоги, сросшиеся с именем вследствие записи «на слух», например *i-malhi-b/p* «хорошие» (?). Суффиксы встречаются реже, например *-(en)na*. Имеется много энклитических частиц, например *-hi* «затем», *-v/pi* (может быть, *wi*?) «же» и другие.

⁶² Между префиксом *le-* и основой могут встречаться элементы *-wa* (с невыясненным значением) и *-i-* (артикл? или показатель единичности? Ср. *-i* в грузинском).

⁶³ Есть два совершенно параллельных текста, в одном из которых употребляется префикс *le-*, а в другом вместо *le-* всюду стоит префикс *š/se-*. (Мы не можем определить, в каких случаях согласный в слоговом знаке нужно читать *š*, а в каких *s*, поэтому здесь и ниже транслитерируем *š/s*.)

Отношения possessивности выражаются при помощи притяжательных прилагательных на *-el* (ср. аналогичный грузинский суффикс *-el*)⁶⁴.

Из местоимений можно, повидимому, пока определить *əš/s* «он, они» [для субъекта, а также для объекта; ср. груз. *is(i)*] и *il* «ты»; из числительных — *apa* «пять»; отрицание — *taš/s*.

Основа глагола в хаттском содержит два согласных. Глагольная система имеет, повидимому, большое сходство с грузинской. Различается субъектное и субъектно-объектное спряжение. Спрягаемые формы глагола часто имеют при себе специальный пространственный префикс; часть префиксов (*š/s e-*, *ta-*, *a-*, *ka-*), вероятно, может быть связана с аналогичными грузинскими префиксами; другие префиксы (*tu-*, *tuta-*, *teta-*, *aš/s ka-*, *iš/šku-*, *waŋwa-* и т. п.) аналогий в грузинском не имеют. Указание на объект глагола (прямой или косвенный) дается, возможно, как и в грузинском, специальным элементом, помещающимся непосредственно перед основой глагола (для 3-го лица *-t-*; в грузинском *-s-* или *-h-*). Третье лицо субъекта передается в некоторых глагольных формах суффиксом или энклитикой *-ta*. Характерны также окончания спрягаемой формы глагола на *-at*, *-iwa*, *-in(u)*, *-iš/s*.

Лексика хаттских текстов выявлена слабо, не всегда удается отделить основу от префиксов, частиц и т. д.⁶⁵ Имеется ли связь между хаттским и грузинским в области лексики, пока сказать трудно. Предварительно можно привести сопоставление хаттского *š/s awat* (*šaw/?*) «яблоко, яблоня» с грузинским *vašl-i* «яблоко». Материалы хаттского языка нуждаются в дальнейшей интерпретации, а в отношении связей с грузинским языком — в углубленной проработке компетентными кавказоведами⁶⁶.

Хаттский язык, несомненно, оказал (как субстрат, или как адстрат, или как то и другое) глубочайшее воздействие на неситский, лувийский, а может быть, и на другие языки древней Малой Азии. Не только множество культурных терминов, но вообще более половины неситских слов надо считать хаттскими по происхождению [например, несит. *antuhsas* «человек» из хат. *antuš*; несит. *labarnas* «царь» (также имя собственное) и глагол *taparija-* (лув. *tapar-*) «править» из хат. *taparna* и т. д.].

Сказанного выше вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что хаттский является языком неиндоевропейским. Вполне возможно, что в Малой Азии существовали и другие языки, близкие к хаттскому, но они не засвидетельствованы письменными памятниками.

Необходимо отметить, что интерпретация и описание шумерского, хурритского, урартского и эламского языков, которые в литературе часто объединяют в одну группу с хаттским, в настоящее время настолько продвинулись⁶⁷, что становится совершенно очевидным следующее: во-первых,

⁶⁴ См. выше, стр. 74.

⁶⁵ Примеры хаттской лексики: *anta* «мужчина», *antuš* «человек», *antušil* «мужской», *wił* «дом», *wiur* «страна», *ziŋar* «гора», *katte* «царь», *taparna* «царь», *ziŋ* «одежда», *(a) š/aš* «глухой, злой», *malhi(p)* «хороший», *le-pini* «дети», *zwatu* «жена?», *zintu* «вино?», *kalt* «хлеб, вершок?», *-hir-* «давать», *-sul-* «пускать», *-kun-* «смотреть», *-kiw-* «хватать», *-i/a-* «давать».

⁶⁶ А. С. Чикобава, может быть, и прав, когда сопоставляет хаттский язык с кавказскими (см. «Введение в языковедение», стр. 227). Но, пытаясь бороться против терминологической путаницы, он усугубляет ее, употребляя существующие термины в ином смысле: можно и желательно не называть неситский язык хеттским (см. «Вестник древней истории», 1954, № 1, стр. 77—78), но нельзя называть хеттским неиндоевропейский хаттский, если уж так случилось, что этим термином обозначался и до сих пор широко обозначается язык неситский (индоевропейский!).

⁶⁷ См. И. М. Дьяконов, О языках древней Передней Азии, «Вопросы языковедения», 1954, № 5.

эти языки не родственны между собой (за исключением хурритского и урартского), во-вторых, ни один из них не принадлежит ни к какой из известных языковых семей и, наконец, в-третьих, ни один из этих языков не имеет генетических связей с хаттским.

*

Таким образом, мы убедились, что из рассмотренных языков лишь в отношении хаттского можно говорить о вполне вероятной связи с кавказскими языками (точнее, с грузинским). А так как мы знаем, что хаттский среди языков Малой и Передней Азии стоит особняком, то вряд ли имеются какие-либо основания говорить о хеттско-иберийской семье языков.

В настоящее время мы уже имеем основания утверждать, что в древней Малой Азии существовала группа индоевропейских языков⁶⁸, связанных между собой более тесно, чем с другими индоевропейскими языками. Однако вопрос о соотношении этих языков еще недостаточно проработан, здесь требуется большой дополнительный материал, и поэтому создание сравнительной грамматики данной группы языков, которую в последнее время — на наш взгляд, удачно — называют анатолийской или древнеанатолийской⁶⁹, еще является делом не слишком близкого будущего.

Интересно то обстоятельство, что уже выявлено некоторое количество лексики, общей именно анатолийским языкам и не являющейся общеиндоевропейской. Задачей предстоящих исследований должно быть прежде всего дальнейшее выяснение черт родства древнеанатолийских языков между собой и с другими индоевропейскими языками, а позднее составление сравнительной грамматики и этимологического словаря древнеанатолийских языков. Вместе с тем внимательному анализу должна быть подвергнута неиндоевропейская лексика этих языков — как являющаяся достоянием каждого языка в отдельности, так и общая всей группе.

Выяснение происхождения неиндоевропейской лексики древнеанатолийских языков, несомненно, может дать ценный материал для разработки проблем этногенеза народов Малой Азии и Кавказа. Дело в том, что есть основания полагать, что племена и народности древней Малой Азии, говорившие на индоевропейских языках, отличались от окружающих племен и народностей, говоривших на хаттском и родственных ему языках, т о л ь к о п о я з ы к у, а во всех прочих отношениях (культура, антропологический тип и т. д.) особых различий с ними не имели⁷⁰.

⁶⁸ Все эти языки являются языками «хеттов», т. е. языками, которые были живыми в Хеттском царстве.

⁶⁹ Мне уже приходилось писать (см. «Вестник древней истории», 1954, № 1, стр. 74) о недопустимости употребления применительно к этой группе термина «азиантические» языки, введенного в 1896 г. П. Кречмером. Как известно, последний утверждал, что все население древней Малой Азии представляло собой особый этнический слой, названный им малоазийским, или азиантическим. Кречмер рассматривал эти народы и их языки как специфический доиндоевропейский этнический и лингвистический субстрат, на который лишь в конце второго или даже в начале первого тысячелетия (!?) осели индоевропейские народы со своими языками. Хотя сам Кречмер впоследствии отошел от своей теории, ее приходится подвергать критике вновь и вновь, так как она до последнего времени находила себе приверженцев, в частности у нас, в Советском Союзе, где перепоном ее явилась пресловутая марровская теория третьего этнического элемента.

⁷⁰ Хотя лингвистический материал и является наиболее осизаемым из всех доступных нам материалов об этническом характере древних народов, он может служить целям классификации этнических групп только при условии выяснения и учета всех изменений, которые произошли в результате скрещивания этносов или вследствие

Поэтому, возражая против объединения кавказских и индоевропейских языков древней Малой Азии по генетическому признаку, следует всячески подчеркивать необходимость сравнительного изучения лексики кавказских языков и количественно преобладающей в древнеанатолийских языках неиндоевропейской лексики. Последняя, весьма вероятно, восходит в известной части если не к индоевропейскому, то все-таки к общему (возможно, хаттскому или даже дохаттскому) источнику, установление которого очень важно для решения этногенетических проблем и проблем кавказского языкознания.

смены языка, вызванной мирным совместным обитанием или завоеванием. Следовательно, для интересующего нас периода языковые группы нельзя безоговорочно отождествлять с этническими, так как языковое родство не всегда гарантирует родство этническое, а также культурно-историческую преемственность.